

ЭТИКА СЛОВА И ЯЗЫКА В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ (НА ОСНОВЕ «ВЫБРАННЫХ МЕСТ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»)

Ю.Б. Кайгородцева, О.Б. Панова

Аннотация. Рассматриваются вопросы этики, этики языка, диалога и межкультурного общения в современном глобальном мире и современном международном дискурсе гуманитарного познания. Обосновывается, что диалог – проблема этическая, тем более диалог на международном уровне, успешность которого прямым образом связана с *уровнем культуры* собеседников – как отдельных человеческих личностей, так и наций, и стран, и народов, и всего мирового сообщества в целом. В этой связи показаны актуальность и необходимость обращения к духовно-этической традиции русской культуры, особенно русской классической литературы в данном контексте. В центре внимания авторов – язык русского классика XIX столетия Н.В. Гоголя. Объясняются значение и доминирование нравственных проблем в жизни, духовном и художественном мире писателя; выявляются основные этические принципы его мировоззрения, глубоко христианского, по своей природе: этика Гоголя – христианская этика. Раскрывается религиозно-философская, эстетическая и этическая проблематика книги «Выбранные места из переписки с друзьями», относящейся к позднему периоду его творчества. Исследуется этическая «ткань» языка данного произведения. Выявляются и подробно рассматриваются ключевые концептуальные универсалии {*Слово – Добро (и Зло) – Честь – Святость (и греховность), свет, просвещение – Духовность и душа – Долг – Жизнь – Любовь*}, составляющие концептосферу текста произведения, несущие глубокий этический смысл, порожденные и обусловленные этической традицией русской культуры как таковой. Язык повествования Гоголя выражает глубоко религиозную, христианскую сущность русской культуры в целом с ее основополагающими духовно-нравственными идеями любви, добра, братства и милосердия.

Ключевые слова: этика; этика языка; этические категории; духовность; нравственность; концептосфера русской культуры; русская словесность; русская поэзия; Гоголь; эстетика; искусство.

Введение

В современном гуманитарном познании, которое и само-то поставлено в сложнейшую ситуацию в нынешнем стремительно глобализирующемся мире, все большее внимание уделяется вопросам этики. Прежде ученые, работавшие в этой области, занимались преимущественно историей этических учений, осмыслением этического канона Древнего мира и уроков авторитетных моралистов-классиков (Конфуция, Будды, Моисея, Христа, Сократа, Эпикура, Платона и Аристотеля,

И. Канта, Л.Н. Толстого, А. Швейцера, В.С. Соловьева, Н. Рериха и др.), определением места этики в системе философских наук и научно-исследовательском пространстве в целом, формированием понятийно-категориального аппарата и концептосферы этики, выявлением этических универсалий и утверждением основных этических ценностей в социуме, критериями нравственной культуры человеческой личности и общества; далее активно обсуждались практическая и прикладная этика – профессиональная этика, этика науки, экологическая этика, биоэтика, этика бизнеса и предпринимательской культуры, этика интернет-сообщества.

Все вышеперечисленное сохраняет и даже приобретает еще большую актуальность и сегодня. Однако в последние два десятилетия этический дискурс разворачивается на международном социокультурном и политическом уровне и сосредоточен в основном вокруг проблем этики международных отношений и межкультурного общения в динамике геополитических процессов глобального мира. В качестве приоритетных в этом проблемном поле ведущими мыслителями нашего времени на международных симпозиумах и конференциях ставятся с попытками предложений решения следующие проблемы: возможность существования глобальной этики в плюралистичном поликультурном мире с акцентированием необходимости общего следования этическим традициям великого прошлого человечества (доклад Ганса Кюннга на собрании Парламента религий мира в Чикаго в 1993 г., дискуссия по поводу его основных этических постулатов на всемирной комиссии ЮНЕСКО в 1995–1997 г.) [1. С. 65–73], возрождение идеи абсолютной морали в нынешнюю эпоху глобального морального кризиса, необходимость уважения к достоинству человеческой личности, основанного на моральной справедливости, необходимость этической ответственности властных элитных структур и каждого человека, потребность всего мирового сообщества в солидарности (Юрген Хабермас) [2. С. 66–80].

Участникам таких конгрессов, симпозиумов, конференций международного статуса очевидно, насколько установление и утверждение глобального мирового порядка, без которого невозможен выход человечества из глобального политического кризиса, прямым образом зависят от *диалога* – грамотного взаимодействия и отдельных людей, и правительств государств, и целых народов, культур, цивилизаций всего мира. Дж. Струл Карстен, например, отмечает, что в процессе обязательного перехода к «эпохе глобального диалога» (это, в принципе, вопрос выживания человечества) неизбежно возникает необходимость в *универсальной этике*, основанной на общих этических принципах и признании того исторически подтвержденного факта, что в истоке различных религий и культур существует некая общая глубинная система ценностей [3. С. 298–319]. Диалог – проблема, прежде всего, *этиче-*

ская; тем более – диалог на международном уровне. И успешность его осуществления прямым образом связана с *уровнем культуры* собеседников – как отдельных человеческих личностей, так и наций, и стран, и народов, с уровнем культуры человечества – всего мирового сообщества в целом.

С. Хантингтон, выступая с докладом в Гарвардской академии международных исследований, прямо поставил перед мировым интеллектуальным сообществом задачу грамотного управления культурной составляющей социальных, политических и экономических процессов: «Если культура столь важна, а люди изучают ее на протяжении столетия или даже более, почему у нас до сих пор нет полноценных теоретических концепций, практических рекомендаций и тесных профессиональных контактов между культурологами и политиками?» [4. С. 9–14]. *Этос культуры* – вот что должно быть исходной точкой, истоком и основанием, ядром проекта глобального этоса. Однако создание такого глобального этоса всемирной культуры, основанного на *со-бытии* и *со-общении* многих различных культур, – проблема *лингвистическая*: диалог и межкультурная коммуникация прямым образом связаны с языком. Потому вопрос о самом языке культуры как таковом здесь становится основополагающим. Потому в связи с возросшей актуальностью обозначенных выше проблем этическая проблематика сейчас активно входит в лингвистические исследования. Этика и лингвистика вступают в тесный контакт в общем междисциплинарном научном дискурсе, в области их взаимодействия и взаимовлияния образуется специальная лингвофилософская дисциплина – *этика языка*, или лингвоэтика, над становлением и развитием которой работают многие ученые гуманитарного направления: философы, лингвисты, антропологи, историки культуры, психологи. Ее серьезность и неслучайность подтверждает тот факт, что ее возникновение было исторически обусловлено и логически подготовлено на протяжении прошлого столетия как европейским экзистенциально-феноменологическим и герменевтическим течением философской мысли и философией языка (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Шелер, М. Бубер, Г. Марсель, П. Рикер, Э. Левинас, Э. Мунье), так и русской духовно-этической традицией и философией «глубинного общения» (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, М.О. Гершензон, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, М.М. Бахтин, С.С. Аверинцев, В.С. Библер, Г.С. Батищев, Г.С. Померанц). Наши современники выявляют фундаментальные *антропологические* основания *истинного* диалога: ценность каждого человеческого существа, исходящая из ценности *Человека*, ценность *Другого* прежде ценности *Я*. Именно такое межличностное общение, базирующееся на глубоком человеческом доверии и понимании, естественным образом предполагающее взаимную этическую ответствен-

ность субъектов общения, должно стать основой межкультурной коммуникации на международном уровне. Э Левинас, например, вводит понятие *забота о Другом* именно по отношению к Языку и утверждает глубокую этическую сущность языка как такового: «Язык является открытием *Другого*. ...Язык предполагает собеседника, множество собеседников. Их общение – это *этика*» [5. С. 191–212]. Герменевт Поль Рикер выводит проблему *этики языка и этики диалога* на глобальный уровень социально-политической ответственности каждого человека. «Существует *этика слова, язык – это не просто абстрактная область логики или семиотики; он накладывает на людей определенную моральную ответственность за то, что они говорят*. Общество без субъектов, этически ответственных за свои слова, – общество без граждан» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Ю.К., О.П.) [6. С. 243].

Русская культура сумела сказать в обозначенном международном дискурсе вокруг этических проблем мира свое веское слово, и наиболее решительно (это следует подчеркнуть) – именно голосом *русской литературы, русской поэзии*. Достаточно факта вручения Иосифу Бродскому Нобелевской премии по литературе в 1987 г. В Нобелевской лекции, прочитанной им в Стокгольме на *русском языке*, обращают на себя внимание два важнейших для предлагаемого нами исследования момента. Первый из них: Бродский обосновал *эстетические истоки и эстетическую природу этического*, взаимообусловленность эстетики и этики и обозначил важнейшую роль искусства, поэзии, литературы в решении мировых проблем глобального масштаба. Во-вторых, он убедительно показал приоритет *языка поэзии и искусства* перед другими культурными формами, выработанными в интеллектуальной истории человечества. Именно поэзия является сущностным началом самого языка как такового, языком *истинным, подлинным* [7. С. 44–54]. Только такой народ, имеющий крепкий внутренний моральный стержень, ориентированный на свободный нравственный выбор, сознает свою культурную идентичность и другого как *Друг-ого* (друга), может положить этические принципы в основу своей *культурной (!) политики*, обладает способностью к *подлинному* диалогу с другими народами мира и выстраивает международные отношения на этических основаниях уважения и доверия.

Поэтому следует акцентировать, что особо значимыми и требующими самого серьезного подхода в обозначенном эпохальном дискурсе являются, точнее, – были и остаются – проблемы *этики межкультурной коммуникации, диалога и полилога культур мира и этики межличностного общения представителей этих культур*. *Этос культуры, этика языка и этическая традиция литературы* должны быть, с одной стороны, основополагающими для создания справедливого и разумного глобального мирового порядка; и с другой стороны, *язык, ис-*

куство и литература, культура являются ключевыми для самой этики как науки, образуют ее сущностное ядро.

Исследование

Язык русской классической литературы в современном этическом дискурсе гуманитарного познания

Русская литература нравственна по сути своей, имеет серьезную духовно-этическую традицию, в истоке которой – христианская этика; вся она, на протяжении всей ее многовековой истории – литература «оправдания добра» (В.С. Соловьев) [8]. О глубокой нравственности русской литературы как ее главном, определяющем ее бытие качестве, ее важнейшей характеристике, говорили многие русские мыслители, философы, историки и великие русские писатели-классики. Авторитетный исследователь древнерусской культуры Д.С. Лихачёв неоднократно указывал на это в сложнейшие исторические эпохи испытаний русского народа, называл литературу совестью России, видел ее призванной давать моральные уроки русскому и другим народам. «Я думаю, что с крещения Руси вообще можно начинать историю русской культуры. ...Чем был церковнославянский язык в России? ...Болгария дала восточным славянам высший слой языка, “*полюс духовности*”, чрезвычайно обогативший наш язык, давший нашему языку *нравственную* силу, способность *возвышать* мысль. ...К этому *нравственному началу* мы всегда можем обращаться за *духовной помощью*. Какая важная задача – составлять словари языка русских писателей от древнейшей поры!» [9. С. 356].

Основополагающие духовно-нравственные ценности русской культуры и этические категории русской философии закреплены в памяти русского языка, и воспринимаются сегодня в качестве *концептов*, поскольку через всю историю русского народа вокруг этих ценностей идет смысловое движение – естественный исторический процесс возникновения, бытия, открытия, сохранения, а порой утраты и возрождения, актуальных для него в каждую эпоху смыслов.

Согласно Д.С. Лихачёву, под концептом следует понимать «универсалию человеческого сознания», границы которой «в сознании субъекта определяются *культурной памятью, причастностью к духовной традиции*». «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации... она соотносима *со всем историческим опытом нации и религией особенно*» [10. С. 282]. Концептуальные универсалии, организующие духовное пространство русской культуры, этимологически выявлены лингвистами-историками из глубин исторического опыта русского языка, долговременно пребывающего в тесном

контакте с языком церковнославянским. Их не так уж много: *добро, любовь, вера, надежда, жизнь, слово, путь, совесть, дух, душа, честь, истина, красота, благодать* и еще три-четыре десятка [11]. Это суть совокупность высших духовно-нравственных ценностей русской культуры, вырастающая из глубокой религиозности русского мироощущения и придающая жизни русского человека сакральный смысл вселенской значимости и подлинности. И весь этот исторический опыт русского народа таким образом сохраняется в языке русской литературы, пронизанной духовностью.

Задача, которую перед гуманитарным научным сообществом поставил Д.С. Лихачёв – тщательно исследовать духовно-этическую традицию русского литературного языка и русской культуры – выполнялась на протяжении всего прошлого века филологами под руководством академика В.В. Виноградова [12]; работа эта активно продолжается в Институте русского языка РАН его имени и в наши дни. Следует отметить, что сегодня нравственная проблематика русской классической литературы и культуры и проблемы этики языка вызывают исследовательский интерес одновременно и философов, ученых Института философии РАН [13. С. 5–14], работающих в области этики, и лингвистов Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН [14]. Диалог этих исследовательских направлений в едином гуманитарном дискурсе, в междисциплинарном проблемном поле оказывается весьма продуктивным, обогащая каждое из них. Ведущий специалист в области этики А.А. Гусейнов на одной из недавних конференций в Институте философии РАН, посвященной духовному наследию Даниила Андреева, делясь своим опытом прочтения его великой книги «Роза Мира» в современных реалиях, выявляет ту черту этики русской культуры, из-за которой в наше беспокойное время к ней нужно отнестись с особым вниманием. Философ убедительно показывает, что при сравнении европейской и русской этических традиций становится очевидным: если европейская этика (в лице Канта, например) имеет законодательный характер, то русская этика обладает активным миротворческим началом, следовательно, русская культура всегда способна преобразовывать Мир согласно своему этическому канону. «Мне кажется, что именно установка *сотворить мир по своему этическому канону* – лежит во всей интеллектуально-духовной конструкции Даниила Андреева и может объяснить всю его систему» [15. С. 3–9]. Этический канон русской культуры закрепляется и сохраняется в языке на протяжении всей истории русского народа, этот язык в сущности своей – миротворец, что и показывают уже ученые-лингвисты. «В начале было Слово», и «Слово стало плотью» – вот это и есть пределы литературы, ее «Альфа и Омега» [16. С. 330–331, 334, 341, 350–358]. В русской культуре этика в большей мере развивалась не в философской традиции, а была взраще-

на как раз русской классической литературой, впитала нравственно-эстетическую традицию всей русской словесности; ее оформление как философской дисциплины в русской философии (В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, Н.О. Лосским, С.Н. Булгаковым, М.О. Гершензоном, Л.П. Красавиным, М.М. Бахтиным) происходило позже и свершилось именно на крепких основаниях, заложенных русской классической литературой – творчеством М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Для современной этики необходимость постоянного обращения к этической традиции русской классики, а лучше, непрерывного пребывания в ней, не вызывает никаких сомнений. Особенно важным это представляется при попытках современной этики формулировать этические принципы в области международных отношений и межкультурной коммуникации, создания проекта этоса глобального мира: русский язык – хранитель многовековой этической традиции, содержит в себе проверенные временем идеальные этические модели миротворения, обращение к его памяти всегда может помочь.

Серьезное внимание указанному аспекту исследования уделялось и уделяется сейчас также и в университетах Сибирского региона, например в Новосибирском государственном университете [17], Томском государственном университете [18–22]. Выполнялись и были опубликованы такие исследования и авторами данной статьи [23–26].

Христианские истоки этики языка Гоголя и его роль в сохранении духовно-нравственной традиции русской культуры

Предлагаемое нами данное исследование посвящено языку Н.В. Гоголя в обозначенном духовно-этическом аспекте рассмотрения, а именно сборнику «Выбранные места из переписки с друзьями» позднего периода творчества писателя.

Путь Гоголя к христианской религии, разумеется, был глубоко мотивирован всем духовным опытом русской культуры, естественным образом включен в духовную эволюцию единого мировоззренческого контекста русской словесности с древнерусской эпохи через XVIII «столетие безумно и мудро» к XIX в. величия русской классики, обусловлен общим поиском истины русским народом на протяжении всей его славной истории. Однако этика Гоголя, а значит и этика языка его творений, заслуживает особого, очень осторожного, отношения. В случае Гоголя не уместны, например, выражения «этическая концепция» или «этическая доктрина» (что вполне допустимо по отношению к европейским мыслителям, этические идеи которых определяют ту же эпоху; И. Канту, Г.В.Ф. Гегелю) возможно, стоит сказать «этическое переживание» или «этика боли». Из всех русских классиков – великих

моралистов – Гоголь был не просто «проповедником» с древности давно известных, но хорошо забытых моральных истин и не просто стремился быть неким наставником, дающим русскому обществу своего времени «уроки морали». Он был *нравственно болен*, сердцем своим трагически переживал все зло, все пороки и все грехи русского народа, острым пером выводя их на свет в своих повестях, романах, драмах. Стал воплощенной совестью своего народа на века вперед, живым нравственным уроком, и – уроком горьким. Этика Гоголя – *истинно христианская*, в том смысле, что выстрадавшая путем земным, путем истинного христианина, что глубоко свойственно именно русскому мыслителю и писателю как таковому. Об этом спустя столетие очень проникновенно пишет, например, философ В.В. Розанов, глубоко понимавший суть страдания Гоголя и нравственную причину постигшей его в конце жизненного пути душевной болезни: «Есть стиль языка. Но есть еще *стиль души человеческой* и, соответственно этому, стиль целостного творчества, исходящего из этой души. ...Мы все склонны объяснять болезнью. ...Правдоподобнее всего предположить, что боль и страдание, возможный хаос и дезорганизация прошли не через ум его, а через *совесть* и волю. Гоголь был, конечно, болен *нравственными* заболеваниями от чрезмерности душевных глубин своих. ...Гоголь показал “Матушку-Натуру”». Вот она какова – Русь» [27. С. 119–120, 123, 345, 658].

К.В. Мочульский, тщательно изучив жизненный и творческий путь Гоголя, становление его духовной личности и его душевные терзания, убедительно показал, как само появление такого великого человека со столь обостренным нравственным чувством в истории духовных исканий русского народа способствовало обретению русской литературой ставшего для нее ключевым этического смысла и связанного с этим глубокого изменения ее языка, отныне навсегда получившего силу нравственного пророчества. Согласно Мочульскому, это одно из великих достижений русской литературы в лице Гоголя придало ей ее уникальный неповторимый облик в мире – *этический*. В дальнейшем выросшая на христианской этике и актуализировавшая ее основные смыслы в XIX столетии русская литература мгновенно, в очень короткий, всего лишь вековой, исторический период, сумела подняться на уровень великих этических учений культур Древнего мира, дала импульс к развитию великой русской философии, и тем самым во многом обеспечила себе мировое признание. «В *нравственной области* Гоголь был гениально одарен. Ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие “великую русскую литературу”, ставшую мировой, были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность, ее пророческий пафос и мессианство» [28. С. 50].

«Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) – центральная книга позднего периода творчества Гоголя, представляющая собой сборник эпистолярного наследия писателя, объединивший несколько важнейших писем к близким ему современникам, его душевных откровений. Будучи глубоко личной по сути своей и содержанию, книга эта сконцентрировала в себе ключевые духовно-этические и нравственно-эстетические проблемы – проблемы не только всей этой эпохи, но «вечные», и волновавшие не одного только Гоголя, но все интеллектуальное общество того времени. Об этом свидетельствует тот бурный дискурс, который развернулся вокруг книги тут же, в момент ее появления. В обсуждение и дискуссию активно включились В.А. Жуковский, А.И. Герцен, В.Г. Белинский, П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, П.А. Вяземский, С.Т. Аксаков, Н.М. Языков, П.А. Плетнев, М.П. Погодин, И.С. Тургенев, откликнулись на книгу и духовные лица – митрополит Московский Филарет, архиепископ Иннокентий, священник М. Константиновский, святитель Игнатий Брянчанинов, настоятель Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга. Композиция «Переписки» была серьезно продумана Гоголем, воплощает в себе христианскую идею и следует «логике» Великого поста. Открывается книга «Предисловием», где Гоголь сообщает о своем намерении отправиться Великим постом во Святую землю и просит у всех прощения, подобно тому, как в Прощеное воскресенье в преддверии Великого поста у христиан принято просить прощения друг у друга; далее следует гоголевское «Завещание», требующее вспомнить о смерти; идейным центром книги выступает глава «Просвещение», вскрывающая главный эпохальный смысл – необходимость духовного просветления русского народа; венчает сборник глава «Светлое Воскресенье», напоминающая о жизни вечной. Так вместе с Гоголем и его собеседниками читатели книги проходят весь путь души истинного христианина во время Великого поста – от смерти к Воскресению, через скорбь, страдания и испытания к свету, светлой радости.

***Концептосфера этических универсалий русской культуры
в тексте книги Гоголя «Выбранные места из переписки
с друзьями»***

Ключевые концептуальные универсалии духовно-нравственного мира русской культуры {*Слово – Добро (и Зло) – Честь – Святость (и греховность), свет, просветление – Духовность и душа – Долг – Житие – Любовь*} составляют концептосферу книги «Выбранные места из переписки с друзьями», организуя ее художественное пространство, запечатлены в памяти самого языка Гоголя и несут глубокий этический смысл.

Слово – исходный и ключевой концепт не только духовно-этической концептосферы «Выбранных мест из переписки с друзьями», но этическая доминанта и центр всего художественного мира Гоголя в его целостности, и живой исток его художественного языка. Слово у Гоголя естественным образом, согласно русской софиологической традиции, в которой пребывают и творят все подлинные русские писатели, входит в основную духовно-философскую триаду *Мудрости: Истина–Добро–Красота*. Однако в гоголевском мире слово в первую очередь принадлежит области *Добра*, соотносится с этической категорией добра. Только изначально несущее добро слово может быть и совершенно-прекрасным, и мудрым, и правдивым, и истинным, такое слово не способно причинить вреда, иначе язык станет предателем и врагом нашим, как бы красиво не звучали слова его, они смертоносны, если лживы. Этот приоритетный этический смысл вложен Гоголем уже в самые первые главы «Выбранных мест...», посвященные размышлению о том, что суть Слово. «Обращаться со словом нужно *честно*. Оно есть высший подарок Бога человеку. ...Все великие воспитатели людей налагали долгое *молчание* именно на тех, которые владели *даром слова*, именно в те поры и в то время, когда больше всего хотелось им пощеголять словом, и рвалась душа сказать даже много полезного людям. ...Беда произносить его писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады, или гнева, или какого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было, словом – в те поры, когда не пришла еще в стройность его собственная душа. Тогда с самым чистейшим желанием *добра* можно произвести *зло*» [29. С. 19–22]. **Слово и Честь** сопряжены у Гоголя. Честность – не только сущность самого слова как такового. Честность как правдивость не случайно в русском языке изначально увязана с *честью*. Гоголевская этика слова включает и честное, глубоко уважительное отношение к самому слову как моральному закону, завету (в ветхозаветном библейском смысле), откровению (в смысле христианском, евангельском), глубоко нравственное обращение с ним, должное честному человеку в человеческом мире – и по отношению к Богу (слово – дар божий!), и по отношению к людям. Такой честности к слову Гоголь требовал как от каждого русского человека, так и от всего русского народа, и от целой русской культуры. Но особенно требователен в этом этическом отношении он был к писателю и поэту русскому, к русской литературе – *русской словесности*.

Согласно Гоголю, русская словесность должна беспрекословно следовать Слову Божию, Божественному Логосу и может развиваться, только придерживаясь его живой традиции, выполняя ту же задачу, что и духовные сочинения, проповеди отцов церкви, учения пророков – наставлять человека и народ и вести его к духовному совершенству.

История русской литературы подтверждает для него эту ее великую духовно-этическую миссию в России и в мире, постоянно являя живые великие «примеры» высокой нравственности. Авторитетом для Гоголя в этом смысле стал великий русский историк, непревзойденный автор «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин, преподавший России великий моральный урок: сумевший в очень непростую эпоху сказать правду о русском народе, рассказать его историю честно и смело. С точки зрения Гоголя, это – нравственный подвиг. Карамзин был человеком высокого уровня чести и честности, твердо следовавшим своему внутреннему нравственному закону. Вся его жизнь свидетельствует о том, что он всегда был верен своим моральным убеждениям, составлявшим его духовно-душевный опыт. Урок Карамзина русскому народу, да и всем другим народам – на века вперед: к истории надо подходить честно, по совести и справедливости.

С большим уважением Гоголь в этом же этическом и нравственно-эстетическом смысле относился к Пушкину. Пушкинская тема вообще очень актуальна для Гоголя на протяжении всего его духовного пути, уже не раз глубоко и всесторонне рассматривалась авторитетными гоголеведами [30, 31]. Становление Гоголя как писателя прямо связано с личностью Пушкина. И размышления Гоголя о Пушкине органически входят в историю *русской пушкинианы*, представляя собой ее лучшие страницы. «Глаголом жги сердца людей!». – Обе важные для Гоголя темы – пушкинская и тема божественного глагола, духовной сущности слова, поэзии как пророчества – сливаются в его творчестве в единое целое. Поэзия и правда сопряжены; без искренности нет поэзии. Пушкин столь значим для Гоголя еще и потому, что был *русским* в самой сердцевине своего духа, живым явлением самой *русскости* как таковой, пушкинская душа – душа *истинно русского* человека. «*Чувства добрые я лирой пробуждал*». – Пушкину глубоко свойственно *эстетическое* восприятие самой нравственности и нравственных проблем, т.е. острое *чувство* того, что мир несовершенен, не прекрасен, не логичен, если не добр и устроен несправедливо. И его смерть на дуэли – свидетельство высокой чести и нетерпимости ко лжи, выпадения из дисгармонии несправедливого мира («*Погиб поэт, невольник чести*», – писал Лермонтов о Пушкине). Потому Пушкин – воплощенная поэзия, сам идеал подлинно русской поэзии, и потому все присущее Пушкину присуще самому языку русскому как таковому в его существовании. – «*Языку, который сам по себе уже поэт* и который недаром был на время позабыт нашим лучшим обществом: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеродных наречьях всю дрянь, какая ни пристала к нам вместе с чужеземным образованием, чтобы все те неясные звуки, неточные названия вещей – дети мыслей невыяснившихся и сбивчивых, которые потемняют языки, – не посмели бы помрачить младенческой ясности нашего языка и возвратились бы

мы к нему уже готовые мыслить и жить своим умом, а не чужеземным. ...Скорбью ангела загорится наша поэзия, вызовет нам нашу Россию – нашу русскую Россию» [29. С. 184–185]. *Пушкинское* в русском языке – его суть, его поэзия, его истина, его жизнь, его совесть.

Однако моральная ответственность столь высокого уровня требует от писателя, поэта, властителя дум, да и любого подлинно русского человека *ученичества*, с точки зрения Гоголя. Ведь пока не проникнется сам человек «чувствами добрыми» (согласно пушкинской традиции), милосердием и состраданием ко всему на свете, пока не преисполнится его душа благодарностью и любовью, не сможет он способствовать проникновению доброго начала в души людей. Тема *духовно-нравственного совершенствования и воспитания души*, как отдельного человека, так и целого народа, нации проходит через все творчество Гоголя. Сама русская культура как таковая слишком молода еще в нравственном отношении и пребывает пока на стадии ученичества у древних культур на протяжении всей своей истории. Два великих моральных образца Древности предостоят перед ее взором. Две величайших этических традиции встречаются и сплетаются здесь: *греческая* и *христианская*, дабы преподать русской культуре великие «уроки морали» и посодействовать созданию ее собственного этического канона. В «Переписке» Гоголя есть глава об этом – «Об “Одиссее”, переводимой Жуковским». Главная гоголевская мысль здесь та же, только с глубокими древними корнями: урок морали дается *поэтом*, обретается в мудрости греческого логоса, в поэзии божественного греческого старца Гомера. Высокая нравственная культура обретается именно в поэзии, русская поэзия нравственно воспитывается древней греческой поэзией, формирующей язык ее этики, ее этический канон через перевод Гомера великим русским поэтом В.А. Жуковским. «“Одиссея” есть вместе с тем самое *нравственнейшее* произведение. Всякая малейшая черта в “Одиссее” говорит о внутреннем желании *поэта всех поэтов оставить древнему человеку живую и полную книгу законодательства*. ...Видишь на всяком шагу, как хотел он облечь во всю обворожительную красоту поэзии то, что хотел бы утвердить навеки в людях, как стремился *напомнить человеку лучшее и святейшее, что есть в нем*» [Там же. С. 29]. В главе о Гомере и Жуковском есть важнейший смысловой момент, требующий особого внимания, – указание Гоголя на *христианство* Жуковского [Там же. С. 26]. Этот момент существеннее продумывается Гоголем в главе «Жизнь» на очень глубоком историческом уровне. Мысль Гоголя устремляется здесь в глубины истории, в мир великих культур Древности, к самым истокам христианства, чтобы объяснить суть *русской души*, по природе своей изначально склонной к высокой духовности, потому и воспринявшей христианскую веру всем существом своим, принявшей *христианство – религию добра, любви*,

милосердия и благодати – естественным образом. – *«В деревянных яслях лежит Младенец, над Ним склонилась Непорочная Мать и глядит на Него исполненными слез очами, над Ним высоко в небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом.* Задумался древний Египет, понижая ниже свои пирамиды, беспокойно глянула прекрасная Греция, опустил очи Рим на железные свои копья, нагнулся Арарат, древний прапращур земли» [29. С. 247–249]. Христианство проливало свет на истинный смысл жизни человеческой: добродетельным, честным и праведным жизненным путем любви открывается «дверь» в жизнь вечную, духовную. Вот как и почему именно *христианский логос* и *христианский этос* стали приоритетными для молодой русской культуры в те древние времена (при всем ее почтении культурам Древнего Востока), и питали ее, воспитывали и возвращали на протяжении всей дальнейшей ее истории. Такова глубина гоголевской мысли о том, почему Жуковский и не только – каждый русский поэт, служитель искусства, да и любой из людей русских должен сделаться христианином, в этом высший смысл его жизни, его ответственность и долг. «Поэзия наша воспитывалась литературами всех народов, прислушивалась к лирам всех поэтов, добывала какой-то *всемирный язык* затем, чтобы приготовить всех к *служенью более значительному*. Нельзя служить и самому искусству, – как ни прекрасно это служение, – *не уразумеv его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство. Христианским, высшим воспитанием, должен воспитаться теперь поэт*» [Там же. С. 183–184].

Вот почему высшей целью ученичества как духовно-нравственного воспитания и самосовершенствования человека Гоголь считает не *разумность* в смысле немецкой учености (при всем уважении русской культуры к культуре европейской и в эпоху Гоголя особо ярко выраженное – к немецкой классической философии и поэзии), даже не *жизненную мудрость* (при всем ее почтении к мудрости Гомера и грекам), но **Свет** и **Святость**. И цель эта – достижение *святости* через преодоление *греховности* своей, насколько это возможно для простого смертного человека – гораздо более благородна, благодарна и оправдана. Гоголь пишет С.П. Шевыреву: «Разум не дает полной возможности человеку стремиться вперед. *Есть высшая еще способность; имя ей – мудрость, и ее может нам дать один Христос.* Вспомни о Канте, который в последние годы обеспамятел вовсе и умер, как ребенок. Но пересмотри жизнь всех *святых*: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти. *Для христианина нет окончательного курса; он вечно ученик и до самого гроба ученик.* Все становится для него учителем; весь мир для него учитель; ничтожнейший из людей может быть для него учитель. Из совета самого простого извлечет он мудрость совета, и вся Вселенная перед ним станет как одна открытая книга ученья» [Там же. С. 52].

На работу Канта «Что такое Просвещение?» (1784) Гоголь отвечает своей работой – «Просвещение» (письмо к В.А. Жуковскому, 1846). Кант связывает Просвещение исключительно с достижениями Разума, Ratio и освобождении человека разумного от любого законодательства кроме законодательства самого Разума, от церкви, государства и т.п. Гоголь мыслит принципиально иначе: исходя из церковнославянской, христианской традиции русской культуры и всей истории русского языка. Кант: «*Просвещение* – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие – это неспособность пользоваться своим *рассудком* без руководства со стороны кого-то другого. Для просвещения требуется *только свобода*, а именно свобода во всех случаях публично пользоваться собственным разумом. *Sapere aude!* – *Имей мужество пользоваться собственным умом*» [29. С. 27; 32. С. 27]. Гоголь: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово “*просвещение*”. Даже и не задумались, откуда пришло это слово и что оно значит. *Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить* – не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь *высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, и знает, зачем произносит. “Свет Христов освещает всех!” – “Свет просвещенья!”* – и нечего к ним прибавить больше» [29. С. 70–71].

Когда русским народом постепенно, долго и трудно, переживается тот длительный исторический период (а период этот охватывает не только XVIII столетие, но и рубеж веков, и большую часть века XIX), в котором Россия активно перенимала интеллектуальный опыт Европы, русские мыслители, философы, писатели учились у европейских просветителей, Гоголь старается сохранить и закрепить в русском языке истинный смысл Просвещения, для русского человека глубоко личный, свой, и употребляет это слово в христианском смысле – *Просветление*. В немецком *Aufklärung*, да и в переводах этого слова на другие европейские языки, Гоголь не находит того необходимого смыслового оттенка, который прямо указывал бы на *чистоту* души человеческой, и просвещение как проявление нравственно-эстетической природы человека, изначально доброй и прекрасной, т.е. *божественного, христианского* начала в душе человеческой, всего, что есть в ней подлинно *святого и светлого*. И этот смысл сохраняется далее в истории русской классической литературы у Лескова, Достоевского, Толстого. Гоголь говорит свое веское слово русской интеллигенции о Просвещении на переломном этапе в истории мировой культуры, не только русской; в ту эпоху, когда Европа, оказывающая самое серьезное влияние на весь мир, сама становится полиглотичной, когда активизируется процесс

межкультурных контактов и взаимодействия языка европейской культуры и разных национальных языков, когда образуется пространство полемики и конфликтов языков различных культур и разных языков даже одной русской культуры, когда сама идея языка становится центральной в философских дискурсах и намечается самоопределение языка культуры как такового [33. С. 216–223]. XVIII в. в целом – эпоха самых напряженных культурных конфликтов. И у России именно в этот момент появляется возможность не только сохранить свою духовную культуру, но и голосом русской литературы заявить о своем праве предложить собственный вариант языка культуры миру, или, по крайней мере, русский язык начинает *звучать* в мировом историко-политическом контексте [34. С. 375–415]. Так усилиями русских просветителей, истинных служителей Слова и русской словесности, литературы, искусства, русской истории духовно-нравственная традиция русской культуры, христианская, по сути своей, жива и сохраняется в мире.

Стремление к просвещению в смысле *просветления*, превращение своей жизни в *Жизнь* и достижение путем жизненным, путем земным, путем очищения от греха и гордыни святости, насколько это в силах человеческих, Гоголем осознается как *Долг* – «Долг – Святыня. Человек счастлив, когда исполняет долг. Так велит долг, говорит он, и уже покоен» [29. С. 282]. Великим образцом исполнения долга в таком смысле стал для Гоголя живописец А.А. Иванов. С благоговением и благодарностью Гоголь описывает в «Выбранных местах...» сотворение Ивановым великого шедевра русской живописи «Явление Христа народу». Это не просто творение картины, это – творение души художника в процессе творчества и богоискания, смысл всей его жизни, отречение от дел и благ мирских, истинная жертва и истинный подвиг ради Искусства как служения Богу, приравнивающий художника Иванова к святому. «Где мог найти он образец для того, чтобы изобразить главное, *составляющее задачу всей картины*, – *представить в лицах весь ход человеческого обращенья к Христу?* Откуда он мог взять его? Из головы? Постигнуть мыслью? Создать воображеньем? Нет, пустяки. *Пока в самом художнике не произошло истинное обращенье к Христу, не изобразить ему того на полотне. ...Урок этот нужен, чтобы видели все другие, как нужно любить искусство. Что нужно, как Иванов, считать себя век учеником*» [Там же. С. 110–118]. Искусство и литература, согласно Гоголю, призваны следовать единой духовно-нравственной традиции христианского канона культуры и выполнять ту же задачу, что и сочинения духовных отцов, жития святых, наставления праведников и т.п., – просвещать *Душу*, способствуя ее просветлению. Только в этом – в служении высшей Божественной Истине – единственное оправдание искусства для Гоголя. *Духовное* и *душевное* начала логически (исходя из христианского логоса) соединены в художественно-эстетическом мире писателя.

Духовность в русском культурном универсуме – ключевая универсалия, концепт, в совокупности содержащий все главные смысловые компоненты развития и совершенствования народа как единой коллективной *Души*. В концепциях русской софиологии, философии всеединства и цельной жизни духа Духовность означает божественность, неисчерпаемость, безграничность души человека; устремленность человека к совершенству, абсолюту, Истине, Добру, Красоте, способность к выходу за рамки узкого эмпирического существования и прорыву к Мировой Душе, Софии, Мудрости, к самой сути Бытия. Духовность в русском понимании – состояние, являющее целостность внутреннего мира человека, осознание им того измерения приобщения к Богу, Вечности, Абсолюту, первосмыслам жизни Мира. Более того, духовность – творящее начало души, ее внутренний стержень. Истинное сопряжение духовного и душевного начал делает возможным разрешение исходного противоречия: бесконечности жизни Мира и конечности человеческой жизни.

Опираясь на всю духовную традицию русской культуры, Гоголь в этом контексте пишет об изначально свойственном русскому человеку духовном и душевном *благородстве* – благом, от природы дарованном русскому народу духовном начале, благодати Божьей. «Есть что-то *крепкое, слишком крепкое* у наших поэтов, чего нет у поэтов других наций. ...Что-то близкое к библейскому, – *высшее состояние лиризма*. ...Этот лиризм уже ни к чему не может возноситься, как только к одному верховному источнику своему – Богу. В ком хоть одна крупинка этого лиризма, тот, несмотря на все несовершенства и недостатки, заключает в себе суровое, высшее *благородство душевное*» [29. С. 36–39, 45–48].

Гоголь – *великий душевед*, глубоко постигающий душу человеческую до ее темных демонических начал, знающий все ее грехи и пороки, но при этом свято верящий в ее светлую божественную природу. Человеческая душа создана по образу и подобию Божию. Душа для Гоголя, в соответствии с традиционным христианским пониманием, изначально чиста, невинна и одухотворена; сотворена и творится Богом в со-трудничестве с человеком. Духовное ядро души составляют: искренняя и истинная вера, кротость, смирение, милосердие, простота, чистота, целомудрие, терпение, самоотверженная жертвенная любовь и служение ближним. Лишенная божественного начала, оставленная Богом душа – мертва. Восстановить гармонию мира можно, лишь восстановив целостность души, и главный смысл жизни человека – спасение души. Душа – «дело жизни», только душа, творящая себя в соответствии с божественным заветом, возвращающая в себе добро и любовь, – *жива* и – *бессмертна*, по Гоголю. «Как изображать людей, если не узнал прежде, *что такое душа человеческая?* ...Все мои последние сочинения – *история моей собственной души*. О, как глубже перед то-

бой раскрывается это познание, когда начнешь дело с собственной своей души! *На этом-то пути поневоле встретишься ближе с Тем, Который Один из всех доселе бывших на земле показал в Себе полное познание души человеческой*» [29. С. 77, 82–83, 239, 242]. Всю жизнь Гоголь писал историю души: души человека, рода, народа, русской души. Его завещание будущим поколениям – «*Будьте не мертвые, а живые души!*» [Там же. С. 392].

Животворящее начало души – *Любовь*. Для Гоголя важнее всего любовь в христианском ее понимании, любовь всеобъемлющая, служащая источником добра и милосердия. Он убежден, что любовь не есть частное, личное дело каждого, но суть *долг* человека. Так, Любовь у него обретает глубокий нравственный смысл, становится в его художественном мире этической категорией. И семья, и гражданская деятельность человека получают смысл только в христианской православной вере, которая именно *обязывает*. *Любовь* у Гоголя включает и объединяет *любовь к Богу, любовь к ближнему, брату и любовь к родине, России*. «Начало, корень и утверждение всему есть *любовь к Богу*. И потому прямо от Божьей любви должна происходить всякая другая любовь на земле. ...Идите же в мир и приобретите прежде *любовь к братьям*. Поблагодарите Бога, прежде всего, за то, что вы русский. ...А не полюбивши *России, не полюбите вам своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу не спастись вам*» [Там же. С. 83–85, 283–287]. Русский человек, по мысли Гоголя, больше других способен на такую любовь, и в этом смысле русский народ избран промыслом Божиим, вследствие присущей ему соборности, объединяющего духовного начала и стремления к всеобщему *братству*. Достаточно обратиться к памяти русского языка и вспомнить, как образуются в нашем языке местоимения «*любой*» (любить!), «*другой*» (друг!), употребимые русскими по отношению к каждому, даже незнакомому человеку. Потому тема любви у Гоголя неразрывно связана с его глубоко личной любовью к родине. Сам писатель, чаще горько рассуждавший о судьбе России, показавший без прикрас все ее грешные и мертвые души, всю свою жизнь призывал русских любить, уважать и почитать достояние своей Родины, а потомкам завещал жить на русской земле и гордиться славной историей России.

Заключение

«Эпоха глобального диалога» народов, цивилизаций, культур Мира началась не сегодня. Сам этот диалог, по сути, является весьма длительным историческим процессом, отсылает в глубины истории человечества, восходит к диалогу основных мировых религий великих культурных миров Востока и Запада, к диалогу религиозных открыве-

ний древности, к тем «глубоким корням общности» [35. С. 61], у которых изначально обреталось взаимопонимание культур. Диалог религиозных откровений Древнего мира – архетип диалога культур современности и ныне остается необходимой его частью [36. С. 451–453]. Единый всемирный этос – всеединство культуры в многообразии равноправного бытия всех включенных в нее уникальных культур, подлинный диалог культурных миров Востока, России и Запада и возможность их со-бытия на основе глубокого взаимопонимания изначально заложены в самой ее природе. Великие моралисты древности, все те, кто был свыше наделен искусством *истинного* диалога, особым даром вести беседу, – Будда, Иисус, Конфуций, Лао-Цзы, Гомер, Сократ – дали начало устойчивым духовно-нравственным культурным традициям, создали целые культуры и преобразовали мир: ими был достигнут величайший в истории человечества уровень глубины духовного общения и исполнена глубочайшая потребность человеческой души в понимании и доверии, отчего само *миропонимание* коренным образом изменилось. Общая система ценностей и этических универсалий, заложенная ими и сегодня оказывающая влияние на человечество, сохранена в древних книгах, Библии и Евангельском откровении, Коране, гомеровских «Илиаде» и «Одиссее», древнеиндийском эпосе, Махабхарате, Бхагавадгите, Рамаяне, конфуцианско-даосском каноне, – памяти языка культуры и национальных языков.

Но и сегодня, как и тысячелетия назад, народы мира поставлены перед необходимостью *подлинного* диалога. Глобальный мир может быть только *глобальным этосом*, создание которого возможно только на гуманитарно-этической основе, принципах универсальной этики, при осуществлении грамотного диалога народов, культур, цивилизаций, который должен принимать во внимание все культуры и все культурные традиции. Проблемы этики межкультурной коммуникации, диалога и полилога культур современного мира, а также этики межличностного общения представителей этих культур не решаемы без взаимопонимания участников, и успешность их решения зависит от взаимной этической ответственности собеседников, но в первую очередь прямо связана с *уровнем культуры* и отдельного человека, и нации в целом, который предполагает глубокое уважение каждой культурной традиции. Искусство и литература призваны следовать единой духовно-нравственной традиции этого выработанного веками этического канона всемирной культуры и выполнять ту же задачу, что и сочинения духовных учителей и мудрецов – наставлять человека и народ и вести его к духовному совершенству. Потому необходимо постоянное обращение любого народа к культурным традициям – своей и других народов.

Этический канон русской культуры закрепляется и сохраняется в языке великой русской литературы на протяжении всей истории рус-

ского народа – языке древнерусских летописей и наставлений, языке Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и других классиков. Русская литература нравственна по сути своей, имеет серьезную духовно-этическую традицию, в истоке которой – христианская этика. Русский язык – хранитель этой многовековой этической традиции, содержит в себе проверенные временем идеальные этические модели, этические концептуальные универсалии культуры, некоторые из них выявлены и рассмотрены в предложенном исследовании, посвященном великому памятнику русской культуры – книге русского классика высочайшей нравственной ответственности Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

Литература

1. **Шохин В.К.** Ганс Кюнг и предлагаемый им проект глобального этоса // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 65–73.
2. **Хабермас Ю.** Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 66–80.
3. **Карстен Дж.С.** Возможна ли глобальная этика? // Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур / отв. ред. М.Т. Степанянц. М. : Вост. лит., 2004. С. 298–319.
4. **Культура** имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. С. Хантингтона, Л. Харрисона. М. : Моск. школа политических исследований, 2002. С. 9–14.
5. **Левинас Э.** Этика бесконечного // Керни Р. Диалоги о Европе / пер. с англ. В.Л. Алешиной, О.И. Кондратьевой ; науч. ред. М.М. Федорова. М. : Весь мир, 2002. С. 191–212.
6. **Рикер П.** Творческие возможности языка // Керни Р. Диалоги о Европе / пер. с англ. В.Л. Алешиной, О.И. Кондратьевой ; науч. ред. М.М. Федорова. М. : Весь мир, 2002. С. 243.
7. **Бродский И.** Лица необщим выраженьем. Нобелевская лекция // Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского / отв. ред. Я.А. Гордин. СПб. : Пушкинский фонд, 2000. Т. VI. С. 44–54.
8. **Соловьев В.С.** Оправдание добра. М. : Академический проект, 2010.
9. **Лихачёв Д.С.** Русская культура. М. : Искусство, 2000. С. 356.
10. **Лихачёв Д.С.** Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М. : Academia, 1997. С. 282.
11. **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2001.
12. **Виноградов В.В.** Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. Избранные труды / отв. ред. Д.С. Лихачёв, А.П. Чудаков, АН СССР, Отделение литературы и языка. М. : Наука, 1990.
13. **Гусейнов А.А.** Чем был обусловлен и в чем заключался духовный переворот Л.Н. Толстого // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 4. С. 5–14.
14. **Слово** Достоевского. Идиостиль и картина мира / под общ. ред. Е.А. Осокиной. М. : ЛЕКСПУС, 2014.
15. **Гусейнов А.А.** Опыт цельного знания // Феномен Даниила Андреева. Материалы российской научной конференции / отв. ред. А.В. Черняев. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С. 3–9.

16. **Осокина Е.А.** Гоголь и Достоевский: Божественная служба и литературная форма // Слово Достоевского. Идиостиль и картина мира / под общ. ред. Е.А. Осокиной. М. : ЛЕКСПРУС, 2014. С. 330–331, 334, 341, 350–358.
17. **Одинокое В.Г.** Русские писатели XIX века и духовная культура. Новосибирск, 2003.
18. **Капунова Ф.З., Айзикова И.А.** Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001.
19. **Янушкевич А.С.** В мире Жуковского. М. : Наука, 2006.
20. **Новикова Е.Г.** Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999.
21. **Казаков А.А.** Ценностная архитектоника произведений Ф.М. Достоевского. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012.
22. **Дашевская О.А.** Жизнестроительная концепция Д. Андреева в контексте культурно-философских идей и творчества русских писателей первой половины XX века. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006.
23. **Панова О.Б.** Евангельский текст русской культуры. Религиозная основа эпоса Л.Н. Толстого // Язык и культура. 2009. № 1 (5). С. 39–53.
24. **Панова О.Б.** Русская философия – о природе и сущности Языка. Статья 1. «Оправдание» Логоса // Философские науки. 2013. № 3. С. 85–97.
25. **Панова О.Б.** Русская философия – о природе и сущности Языка. Статья 2. Эстетика невыразимого // Философские науки. 2013. № 4. С. 53–68.
26. **Панова О.Б.** Русская философия – о природе и сущности Языка. Статья 3. Поэзия и память // Философские науки. 2013. № 5. С. 66–79.
27. **Розанов В.В.** О писательстве и писателях. Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николютина. М. : Республика, 1995. С. 119–120, 123, 345, 658.
28. **Мочульский К.В.** Гоголь. Соловьев. Достоевский. М. : Республика, 1995. С. 50.
29. **Гоголь Н.В.** Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собрание сочинений : в 9 т. / сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М. : Русская книга, 1994. Т. 6: Духовная проза. Критика. Публицистика. С. 19–22.
30. **Золотуский И.** Поэзия прозы. Статьи о Гоголе. М. : Сов. писатель, 1987.
31. **Мани Ю.В.** Творчество Гоголя. Смысл и форма. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007.
32. **Кант И.** Что такое Просвещение? // Кант И. Собр. соч. : в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль, 1964–1966. Т. 6. С. 27.
33. **Лотман Ю.М.** Слово и язык в культуре Просвещения // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 216–223.
34. **Успенский Б.А.** Россия и Запад в XVIII веке // История продолжается. Изучение XVIII века на пороге XXI / сост. и отв. ред. С.Я. Карп. М. ; СПб. : Университетская книга, Международный центр по изучению XVIII века, 2001. С. 375–415.
35. **Померанц Г.С.** Диалог и молчание // Человек. 1996. № 3. С. 61.
36. **Померанц Г.С.** Диалог культурных миров // Лики культуры. Альманах / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. М. : Юрист, 1995. С. 451–453.

Сведения об авторах:

Кайгородцева Юлия Борисовна – магистрант факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yuliabk@yahoo.com.

Панова Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olga_panova_1973@mail.ru

Поступила в редакцию 5 февраля 2018 г.

WORD AND LANGUAGE ETHICS IN THE LATE WORKS OF N.V. GOGOL (BASED ON THE «SELECTIVE PASSAGES FROM CORRESPONDENCE WITH FRIENDS»)

Kaygorodtseva Yu.B., MA Student, Faculty of Foreign Languages, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: yuliabk@yahoo.com

Panova O.B., Ph.D., Associate Professor, Faculty of Foreign Languages, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: olga_panova_1973@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/41/7

Abstract. The present article covers the questions of ethics, language ethics, dialog and cross-cultural communication in the contemporary global world and international discourse of humanitarian intellection. It is being proved that dialog turns out to be an ethical issue, especially the international dialog, successfulness of which is directly connected with the *cultural level* of the parties, be it separate human individuals, nationalities, countries, nations or the whole world community in general. In this regard, the topicality and necessity of awareness of Russian cultural spiritual-ethical tradition is displayed, as well as Russian classical literature in this context. In the focus of the authors' attention is the language of N.V. Gogol, the Russian classical writer of the XIX century. The meaning and prepotency of moral issues in life of the writer, his spiritual and art world are explained; the basic ethical principles of the writer's mindset, which is deeply Christian in itself, are revealed: Gogol's ethics is a Christian one. The religious-philosophical, esthetical and ethical problematics of the book "Selective passages from correspondence with friends", which is from the late work period, is being outlined. The ethical language "texture" of this book is being investigated. The article thoroughly presents the key conceptual universals {*Word – Good (and evil) – Honor – Holiness (and sinfulness), Light, Epiphany – Spirituality and soul – Moral ought – Life – Love – Patriotism*} which comprise the textual conceptual sphere of the book and perform the deep ethical sense, and which were conditioned and originated by the ethical tradition of Russian culture. Gogol's narrative language expresses the deeply religious Christian nature of Russian culture in general together with its basic spiritual-moral ideas of love, good, brotherhood and mercifulness.

Keywords: ethics; ethics of the language; ethical categories; spirituality; morals; conceptual sphere of Russian culture; Russian language arts; Russian poetry; Gogol; esthetics; arts.

References

1. Shokhin V.K. (2004) Gans Kyung i predlagayemyy im proyekt global'nogo etosa [Hans Kyung and the proposed global ethos project] // *Voprosy filosofii*. 10. pp. 65–73.
2. Habermas J. (2012) Kontsept chelovecheskogo dostoinstva i realisticheskaya utopiya prav cheloveka [Habermas U. (2012) The concept of human dignity and the realistic utopia of human rights] // *Voprosy filosofii*. 2. pp. 66–80.
3. Carsten G.S. (2004) Vozmozhna li global'naya etika? [Is global ethics possible?] // *Sravnitel'naya filosofiya: Moral'naya filosofiya v kontekste mnogoobraziya kul'tur / otv. red. M.T. Stepanyants. M. : Vostochnaya literatura. pp. 298–319.*
4. Kul'tura imeyet znacheniyе. Kakim obrazom tsemnosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu (2002) [Culture matters. How values contribute to social progress] / pod red. S. Huntingtona, L. Harrisona. M. : Mosk. shkola politicheskikh issledovaniy. pp. 9–14.
5. Levinas E. (2002) Etika beskonechnogo [Ethics of the infinite] // *Cerney R. Dialogi o Yevrope / per. s angl. V.L. Aloshinoy, O.I. Kondrat'yevoy ; nauch. red. M.M. Fyodorova. M. : Ves' mir. pp. 191–212.*
6. Ricker P. (2002) Tvorcheskiye vozmozhnosti yazyka [Creative possibilities of the language] // *Cerney R. Dialogi o Yevrope / per. s angl. V.L. Aloshinoy, O.I. Kondrat'yevoy ; nauch. red. M.M. Fyodorova. M. : Ves' mir.*

7. Brodskiy I. (2000) Litsa neobshchim vyrazhen'yem. Nobelevskaya lektsiya [Faces of an uncommon expression. Nobel prize lecture] // Brodskiy I. Sochineniya Iosifa Brodskogo / otv. red. Ya.A. Gordin. SPb. : Pushkinskiy fond. Vol. VI. pp. 44–54.
8. Solov'yov V.S. (2010) Opravdaniye dobra [Justification of the Good]. M. : Akademicheskii proyekt.
9. Likhachyov D.S. (2000) Russkaya kul'tura [Russian culture]. M. : Iskusstvo.
10. Likhachov D.S. (1997) Kontseptosfera russkogo yazyka [Concept sphere of the Russian language] // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. M. : Academia.
11. Stepanov Yu.S. (2001) Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury [Constants. Dictionary of Russian culture]. M. : Akademicheskii proyekt.
12. Vinogradov V.V. (1990) Jazyk i stil' russkikh pisateley ot Karamzina do Gogolya. Izbrannyye trudy [Language and style of Russian writers from Karamzin to Gogol. Selected works] / otv. red. D.S. Likhachov, A.P. Chudakov, AN SSSR, otdeleniye literatury i jazyka. M. : Nauka.
13. Guseynov A.A. (2015) Chem byl obusloven i v chom zaklyuchalsya dukhovnyy perevot L.N. Tolstogo [What was the spiritual revolution of L.N. Tolstoy conditioned by and what it consisted in] // Filosofskiy zhurnal. Vol. 8. 4. pp. 5–14.
14. Slovo Dostoyevskogo. Idiostil' i kartina mira (2014) [The word of Dostoevsky. The idio-style and the picture of the world] / pod obshch. red. Ye.A. Osokinoy. M. : LEKSUS.
15. Guseynov A.A. (2015) Opyt tsel'nogo znaniya [Experience of integral knowledge] // Fenomen Daniila Andreyeva. Materialy rossiyskoy nauchnoy konferentsii / otv. red. A.V. Chernyayev. M. : Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya». pp. 3–9.
16. Osokina Ye.A. (2014) Gogol' i Dostoyevskiy: Bozhestvennaya sluzhba i literaturnaya forma [Gogol and Dostoevsky: divine service and literary form] // Slovo Dostoyevskogo. Idiostil' i kartina mira / pod obshch. red. Ye.A. Osokinoy. M. : LEKSUS. pp. 330–331, 334, 341, 350–358.
17. Odinkov V.G. (2003) Russkiye pisateli XIX veka i dukhovnaya kul'tura [Russian writers of the XIX century and spiritual culture]. Novosibirsk.
18. Kanunova F.Z., Ayzikov I.A. (2001) Nravstvenno-esteticheskiye iskaniya russkogo romantizma i religiya [Moral and aesthetic search of Russian Romanticism and religion]. Novosibirsk : Sibirskiy khronograf.
19. Yanushkevich A.S. (2006) V mire Zhukovskogo [In the world of Zhukovsky]. M. : Nauka.
20. Novikova E.G. (1999) Sofiynost' russkoy prozy vtoroy poloviny XIX veka: yevangel'skiy tekst i khudozhestvennyy kontekst [Sophia of Russian prose of the second half of the XIX century: the Gospel text and the artistic context]. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
21. Kazakov A.A. (2012) Tsennostnaya arkhitektonika proizvedeniy F.M. Dostoyevskogo [The valuable architectonics of the works of F.M. Dostoevsky]. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
22. Dashevskaya O.A. (2006) Zhiznestroitel'naya kontseptsiya D. Andreyeva v kontekste kul'turfilosofskikh idey i tvorchestva russkikh pisateley pervoy poloviny XX veka [The life-building concept of D. Andreev in the context of the cultural philosophical ideas and oeuvre of Russian writers of the first half of the XX century]. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
23. Panova O.B. (2009) Yevangel'skiy tekst russkoy kul'tury. Religioznaya osnova eposa L.N. Tolstogo [The Gospel text of Russian culture. The religious basis of the epic of L.N. Tolstoy] // Jazyk i kul'tura – Language and Culture. 1 (5). pp. 39–53.
24. Panova O.B. (2013) Russkaya filosofiya – o prirode i suschnosti jazyka. Stat'ya 1. «Opravdaniye» Logosa [Russian philosophy – about the nature and essence of the Language. Article 1. "Justification" of the Logos] // Filosofskie nauki. 3. pp. 85–97.

25. Panova O.B. (2013) Russkaya filosofiya – o prirode i sushchnosti jazyka. Stat'ya 2. Estetika nevyrazimogo [Russian philosophy – about the nature and essence of the language. Article 2. Aesthetics of the ineffable] // *Filosofskiye nauki*. 4. pp. 53–68.
26. Panova O.B. (2013) Russkaya filosofiya – o prirode i sushchnosti jazyka. Stat'ya 3. Poeziya i pamyat' [Russian philosophy – about the nature and essence of the Language. Article 3. Poetry and memory] // *Filosofskiye nauki*. 5. pp. 66–79.
27. Rozanov V.V. (1995) O pisatel'stve i pisatelyakh [About writing and writers]. *Sobraniye sochineniy / pod obshch. red. A.N. Nikol'yutina*. M. : Respublika. pp. 119–120, 123, 345, 658.
28. Mochul'skiy K.V. (1995) Gogol'. Solov'yov. Dostoyevskiy [Gogol. Solovyov. Dostoevskiy]. M. : Respublika.
29. Gogol' N.V. (1994) Vybrannyye mesta iz perepiski s druz'yami [Selected places from correspondence with friends] // Gogol' N.V. *Sobraniye sochineniy* : v 9 t. / sost. i koment. V.A. Voropayeva, I.A. Vinogradova. M. : Russkaya kniga. Vol. 6: Dukhovnaya proza. Kritika. Publitsistika. pp. 19–22.
30. Zolotusskiy I. (1987) Poeziya prozy. Stat'i o Gogole [Poetry of prose. Articles about Gogol]. M. : Sovetskiy pisatel'.
31. Mann Yu.V. (2007) Tvorchestvo Gogolya. Smysl i forma [Oeuvre of Gogol. Sense and form]. SPb. : Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
32. Kant I. (1964–1966) Chto takoye Prosveshcheniye? [What is the enlightenment?] // Kant I. *Sobr. soch.* : v 6 t. / pod obshch. red. V.F. Asmusa, A.V. Gulygi, T.I. Oyzermana. M. : Mysl'. Vol. 6.
33. Lotman Yu.M. (1992) Slovo i yazyk v kul'ture Prosveshcheniya [Word and language in the culture of enlightenment] // Lotman Yu.M. *Izbrannyye stat'i* : v 3 t. Tallinn : Aleksandra. Vol. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. pp. 216–223.
34. Uspenskiy B.A. (2001) Rossiya i Zapad v XVIII veke [Russia and the West in the XVIII Century] // *Istoriya prodolzhayetsya. Izucheniye XVIII veka na poroge XXI* / sost. i otv. red. S.Ya. Karp. M. ; SPb. : Universitetskaya kniga, Mezhdunarodnyy tsentr po izucheniyu XVIII veka. pp. 375–415.
35. Pomerants G.S. (1996) Dialog i molchaniye [Dialogue and silence] // *Chelovek*. 3.
36. Pomerants G.S. (1995) Dialog kul'turnykh mirov [Dialogue of cultural worlds] // *Liki kul'tury*. Al'manakh / otv. red. i sost. S.Ya. Levit. M. : Yuris. pp. 451–453.

Received 5 February 2018